

На правах рукописи

РУНАЕВ ТИМОФЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**КУЛЬТУРА ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

5.4.6 – социология культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Майкоп – 2022

Диссертация выполнена на кафедре социологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Рожков Александр Юрьевич**
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет», г.
Краснодар

Официальные оппоненты: **Самыгин Сергей Иванович**
доктор социологических наук, профессор
кафедры финансового и HR менеджмента
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)», г.
Ростов-на-Дону

Муха Виктория Николаевна
кандидат социологических наук, директор
Центра социологических исследований, доцент
кафедры социологии, правоведения и работы с
персоналом ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный технологический
университет», г. Краснодар

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет», г. Севастополь

Защита состоится _____ г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета 24.2.267.01 при Адыгейском государственном
университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208,
конференц-зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной
библиотеке ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», на
сайте Адыгейского государственного университета www.adygnet.ru и на
сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и
науки Российской Федерации <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «_____» 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

Е. С. Куква

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации. Народы и нации, будучи «воображаемыми сообществами», где люди могут не знать друг друга в лицо, поддерживают свою жизнь коллективными образами прошлого, благодаря которым разрозненные индивиды ощущают свое единство во времени и пространстве. Существование прочных образов прошлого обуславливает наличие у людей чувства преемственности и целостности народа, его устойчивости перед натиском времени. В то время как размытость или отсутствие коллективных представлений об общем прошлом разрушает временную связь, дезориентирует человека в ценностных ориентациях и ставит под сомнение наличие национальной идентичности. Следовательно, главная задача культуры памяти как системы сохранения и воспроизводства образов прошлого заключается в поддержании упорядоченности времени, в стабильности ценностных оснований и в надежности национальной идентичности в условиях социальных трансформаций. Иными словами, культура памяти предлагает человеку точки опоры, благодаря которым нынешняя социальная реальность становится ему близкой и понятной. Однако сегодня вследствие стремительного ускорения и уплотнения времени современное общество переходит в состояние «текучести», где имеет место профанация прошлого и тем самым увеличивается подвижность и непостоянство социальной реальности. В результате разрушение значимости прошлого сегодня помещает человека в неопределенность. Теперь он должен сам прилагать усилия как для создания и воссоздания своей идентичности, так и для наполнения ценностного багажа. Отсюда появляется множество рисков, среди которых спутанность и переменчивость идентичностей, конфликт ценностей с представителями предшествующих поколений, разрыв связи между личностью и государством.

Для современной России эта проблема является особенно актуальной, поскольку 1990-е гг. были ознаменованы резкими переменами во всех сферах общества, что приводило к отказу от прежних ценностей, которые определяли идентичность советского человека. Однако новая историческая почва, необходимая для создания российской идентичности, еще не была подготовлена, что приводило к росту социальной напряженности, представленной в кульминационной точке внутренними межэтническими конфликтами. Одним из выходов из сложившейся ситуации стал поиск модели культуры памяти, цель которой была направлена на формирование новой общероссийской идентичности, базирующейся на патриотизме, многонациональности и гражданственности. Для этого со стороны государства внедрялись новые коммеморативные практики, вводился историко-культурный стандарт, принимались законы о защите исторической памяти и разрабатывались программы патриотического воспитания молодежи.

Сегодня в России в качестве субъекта социальных отношений выступает учащаяся молодежь, период социализации которой пришелся на процесс деконструкции исторической памяти. Однако новым вызовом в этих условиях стало включение молодых людей в быстро расширяющееся цифровое пространство, которое создает модус «вечного настоящего». В результате чего прошлое и будущее исключаются из поля зрения учащейся молодежи, что ведет к темпоральному разрыву, потере ценностных ориентиров и возникновению сложностей самоидентификации. Иначе говоря, образы прошлого в российской молодежной среде перестают быть ценностью, что обуславливает либо выражение индифферентного отношения к прошлому, либо появление склонности к пересмотру оценок истории. Тем самым десакрализация прошлого в молодежной среде ставит под угрозу устойчивое развитие российской идентичности. Поэтому в социологической науке появляется потребность в понимании того, какое место культура памяти занимает в жизни студентов и школьников или какую ценность представляют образы прошлого в массовом сознании учащейся молодежи.

Степень разработанности проблемы. Классиками концептуализации идентичности как категории социальных наук являются Дж. Г. Мид, Э. Эриксон, Дж. Марсиа, И. Гоффман, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Тэджфел, Дж. Тернер. С опорой на их выводы теорию идентичности стали развивать Э. Гидденс, К. Калхун, С. Холл, Р. Дженкинс, Дж. Фридман, З. Бауман, П. Дж. Берк, М. Хогг, Р. Брубейкер, Х. Уайт, Л. Хадди, М. Р. Сомерс, Д.-К. Мартин, А. Мегилл¹. В их представлении идентичность – не только отношение сопричастности личности к обществу, но и сконструированный исторический проект современности, направленный на интеграцию индивидов.

Среди российских исследователей социальной идентичности выделяются Л. М. Дробижева, И. С. Семененко, А. А. Галкин, П. С. Гуревич, Э. М. Спинова, Н. Л. Полякова, В. Н. Муха, З. А. Жаде, Р. Д. Хунагов,

¹ Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. М., 2009; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006; Marcia J. E. Development and Validation of Egoidentity Status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol. 3. № 5. P. 551-558; Goffman E. *Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York, 1963; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Tajfel H., Turner J. C. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior* // *Political psychology: Key readings*. 2004. P. 276-293; Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1991; Calhoun C. *Social Theory and Politics of Identity* // *Social Theory and the Politics of Identity* / Ed. by Calhoun C. Oxford, 1994. P. 10-36; Hall S. Introduction: Who Needs «Identity»? // *Questions of Cultural Identity*. London, 1996. P. 1-17; Jenkins R. *Social Identity*. London: Routledge, 2008; Friedmann J. *Order and Disorder in Global Systems: a Sketch* // *Social Research*. 1993. Vol. 60. № 2. P. 205-234; Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М., 2005; Burk P. J. *Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address* // *Social Psychology Quarterly*. 2004. Vol. 67. № 1. P. 5-15; Hogg M. A. *Uncertainty-Identity Theory* // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 39. P.69-126; Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М., 2012; White H.C. *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton; Oxford, 2008; Huddy L. *From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory* // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. № 1. P. 127-156; Somers M. R. *The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach* // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23 (5). P. 605-649; Martin D.-C. *The Choices of Identity* // *Social Identities*. 1998. Vol. 1. P. 5-20; Мегилл А. *Историческая эпистемология: научная монография*. М., 2009.

А. Ю. Шадже². Осмысление феномена социальной идентичности российской молодежи представлено в работах В. В. Радаева, Е. Л. Омельченко, В. В. Петухова, Т. О. Сундуковой, Г. В. Ваныкиной, А. П. Романовой, М. М. Федоровой. И. С. Савина, И. В. Самаркиной, И. С. Башмакова, О. А. Бориско, С. А. Миронцевой³. Согласно их выводам, социальная идентичность молодого человека определяется множеством условий, среди которых – сложившаяся культура и память общества.

Теоретической разработкой понятия культуры памяти занимались преимущественно немецкие авторы: Г. Люббе, Д. Брокмейер, А. Хьюссен, Э. Мейер, А. Ассман, А. Эрлл, А. Ригней⁴. Но исследователи, которые изучают *memory studies*, отмечают существующую терминологическую путаницу в основных понятиях, относящихся к ментальному измерению культуры памяти⁵. Первая традиция оперирует

² Дробижина Л. М. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1-2 (77-78). С. 39-52; Семенов И. С. Национальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М., 2017. С. 405-412; Галкин А. А. Объективные вызовы и национальная идентичность: тенденции и проблемы // Политика: анализ, хроника, прогноз. 2013. № 1(68). С. 6-23; Гуревич П. С., Спирина Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М., 2015; Полякова Н. Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. 22(4). С. 22-42; Муха В. Н. Концептуальные подходы к исследованию феномена идентичности в западной социологии // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 253-255; Жаде З. А. Феномен многоуровневой идентичности: цивилизационная составляющая // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 5. С. 19-23; Хунагов Р. Д. Современная личность в поисках идентичности и аутентичности // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 134-144; Его же. Множество идентичностей в глобализирующемся мире // Власть. 2013. № 2. С. 4-8; Шадже А. Ю. Культурная память и этническая идентичность: концептуально-методологические замечания // Курды Адыгеи. Майкоп, 2015. С. 59-67.

³ Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2019; Омельченко Е. С. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004; Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119-138; Сундукова Т. О., Ваныкина Г. В. Поколение Z: Что дальше? // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 26-28 ноября 2020). Уфа, 2020. С. 77-84; Романова А. П., Федорова М. М. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 9 (95). Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840012223-4-1/>; Савин И. С. Историческая память и российская идентичность: особенности восприятия молодежью на Северном Кавказе (по материалам полевых исследований 2016-2017 гг.) // Историческая память и идентичность на Северном Кавказе. М., 2017. С. 37-70; Савин И. С. Историческая память и российская идентичность: особенности восприятия молодежью на Северном Кавказе (по материалам полевых исследований 2016-2017 гг.) // Историческая память и идентичность на Северном Кавказе. М., 2017. С. 37-70; Самаркина И. В., Башмаков И. С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 159-171; Бориско О. А., Миронцева С. А. Факторы, субъекты и механизмы формирования региональной идентичности молодежи в представлениях студентов и школьников Краснодарского края // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 19-23.

⁴ Lübbe G. Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Berlin; Heidelberg; New York, 1992; Brockmeier J. Remembering and forgetting: narrative as cultural memory // Culture & Psychology. 2002. Vol. 8(1). P. 15-43; Huyssen A. Present past. Urban Palimpsests and the politics of memory. Stanford, 2003; Meyer E. Memory and Politics // Cultural memory studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin; New York, 2008. P. 173-180; Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016; Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. Stuttgart, 2017; Rigney A. Remembrance as Remaking: Memories of the Nation Revisited // Nations and Nationalism. 2018. 24(2). P. 240-257.

⁵ Сафронова Ю. А. Третья волна *memory studies*: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12-27; Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направление исследований в исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. Вып. 2. С. 106-126; Васильев А. Г.

понятием «социальной памяти»⁶. Вторая традиция использует понятие «социальных представлений о прошлом»⁷. Третья группа исследователей выступает за использование понятия «исторической памяти» как совокупности наиболее ценных и значимых образов прошлого, конституирующих национальное самосознание⁸.

Среди авторов, которые занимаются практическим изучением исторической памяти, выделяются Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зорская, М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун, А. Шор-Чудновская, Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева, А. Б. Ананченко, В. Л. Шаповалов, В. В. Кулиш, Г. С. Широкалова, С. В. Устинкин, Н. М. Морозова, П. Куконков, Е. И. Пронина, Н. Д. Сорокина, И. В. Положенцева, Т. Л. Кащенко. Исследованием исторической памяти в пространстве Интернета занимается О. В. Ярмук. В целом их исследования подчеркивают, что историческая память как ментальное измерение культуры памяти российской молодежи имеет меньший объем в сравнении с другими поколениями и больше склоняется к состоянию забвения, чем к сакрализации прошлого⁹.

Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 19-49; Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Б. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала Memory Studies // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 140-145; Segesten A. D., Wüstenberg J. Memory studies: The state of an emergent field // Memory studies. 2017. Vol. 10 (4). P. 474-489.

⁶ Колеватов В. А. Социальная память и познание. М. : Мысль, 1984; Соломина И. Ю. Социальная память: структура и феномены : автореферат дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11. Самара, 2005; Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 27-48; Шаповалова, Н. С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ : дисс. ... канд. соц. наук : 09.00.11. Саратов, 2012.

⁷ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 7-18.

⁸ Тощенко Ж. В. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. № 4. 2000. Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>; Малинкин А. Н. Историческая память о Великой отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23-34; Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 44-52; Бараш Р. Э. Историческая память россиян в актуальном общественно-политическом контексте // Евразийство и мир. 2019. № 2. С. 12-23; Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. Екатеринбург, 2013. № 3. С. 243-256; Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности. «Практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М., 2020. С. 9-36; Синицина И. А. Историческая память как регулятив современной культуры : дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.06. Майкоп, 2008; Касьянов, В. В., Самыгин С. И. Историческая и коллективная память и социальный порядок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2019. № 10. С. 76-80.

⁹ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зорская Н. А. Молодежь России М., 2011; Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований М., 2020; Дзялошинский И. М., Пильгун М. А. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года. Монография. М., 2017; Шор-Чудновская А. Советское прошлое в представлениях молодых россиян // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 173-189; Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147-156; Ананченко А. Б., Шаповалов В. Л. Менталитет современной российской молодежи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 100-111; Кулиш В. В. Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России: по материалам социологических исследований в Алтайском крае : дисс. ... канд. соц.

Не без внимания остается вопрос о социальном измерении культуры памяти в молодежной среде: роль коммеморативных практик, школ и музеев в формировании идентичности молодежи проанализирована такими исследователями, как М. Габович, А. Архипова, Д. Доронин, А. Кирзюк, Д. Радченко, А. Соколова, А. Титков, Е. Югай, В. П. Бедерханова, Т.А. Хагуров, А. А. Остапенко, Ю. В. Павлова, М. А. Красноборов, Н. Г. Самарина, Ю. В. Зевако, Л. А. Хачатрян, А. А. Чернега¹⁰. Общий вывод упомянутых авторов сводится к тому, что механизмы передачи исторической памяти – это не стихийный, а организованный и спланированный комплекс мер, позволяющий современным исследователям говорить о существовании политики памяти¹¹.

Материальное измерение культуры памяти в молодежной среде, то есть отношение молодых людей к мемориальным объектам, представлено на страницах работ И. М. Богдановской, П. А. Диденко, Н. Н. Королевой, С. В. Мохова, А. В. Стрельниковой. Авторы сходятся во мнении, что памятники слабо определяют идентичность молодых людей и становятся для них лишь реперными точками освоения городского пространства¹².

наук : 22.00.04. Барнаул, 2014; Широкалова Г. С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 145-153; Устинкин С. В., Морозова Н. М., Куконков П. И. Память учащейся молодежи о Великой Отечественной войне: общее и особенное // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2020. С. 299-330; Пронина Е. И. Из чего складываются мнения и сомнения студентов среднего профессионального образования // Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне: коллективная монография. Екатеринбург, 2020. С. 323-335; Сорокина Н. Д. Историческая память современных студентов. Что происходит? // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 144-152; Положенцева И. В., Кащенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42-46; Ярмак О. В. Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ российского медиапространства // Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 395-398.

¹⁰ Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 93-111; Архипова А. С., Доронин Д. Ю., Кирзюк А. А., Радченко Д. А., Соколова А. Д., Титков А. С., Югай Е.Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация дня победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84-122; Бедерханова В. П., Остапенко А. А., Хагуров Т. А. Роль школьных курсов литературы, истории и обществознания в профилактике экстремизма в молодежной среде. Краснодар, 2017; Павлова Ю. В. Социальная память учителей истории: поколенческий аспект // Социология и право. 2016. № 3 (33). С. 89-97; Красноборов М. А. Социальные технологии формирования исторической памяти обучающихся в системе среднего общего образования : автореф. дисс. ... канд. соц. наук. 22.00.08. СПб., 2018; Самарина Н. Г. Современный музей: кризис или «ответ» на «вызов»? // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 334-345; Зевако Ю. В. Конструируя (пост)память о травматическом прошлом: представления подростков об эпохе политических репрессий 1930-1950-х гг. // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 1. С. 93-143; Хачатрян Л. А., Чернега А. А. Социальная польза музея для учащейся молодежи: сущность и проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 2 (10). С. 167-172.

¹¹ Аникин Д. А., Бубнов А. Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1. С. 19-28; Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. М.-СПб., 2018. С. 27-53; Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI в. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328-367.

¹² Богдановская И. М., Диденко П. А., Королева Н. Н. Вербальная семантика представлений о городских памятниках у молодежи мегаполиса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 4-1. С. 67-77; Мохов С. В. Городской памятник, как инструмент nation - building : символическое пространство и историческая память // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 17-29;

Проблемы исторической памяти как ментального измерения культуры памяти молодежи Юга России нашли отражение в работах В. А. Фролова, Н. А. Ильиновой, Е. С. Куквы, С. В. Макеева, В. Н. Нехай, З. М. Хачецукова, А. Ю. Шадже, Э. А. Шеуджен, М. В. Донцовой, И. Г. Тажидиновой, Т. Н. Белопольской, Е. С. Студеникиной. Школьное историческое образование как социальное измерение культуры памяти представлено в статьях А. А. Кочергина, а на проблеме отношений к мемориалам со стороны молодежи Краснодарского края останавливались Г. И. Бондаренко, Н. Е. Продиблех. Изучением коммеморативной культуры молодежи Юга России в историческом измерении занимается А. Ю. Рожков¹³.

Вместе с тем, несмотря на широкое освещение состояния различных измерений культуры памяти в молодежной среде, на региональном уровне изучение учащейся молодежи Краснодарского края в социальной системе запоминания и вспоминания сегодня носит «точечный», а не комплексный характер, который учитывал бы инфраструктуру памяти и ее восприятие в молодежной среде.

Объект исследования – культура памяти как система запоминания, сохранения и трансляции образов прошлого, конституирующая и воспроизводящая социальный порядок.

Предмет исследования – влияние культуры памяти на формирование социальной идентичности современной учащейся молодежи Краснодарского края.

Цель исследования – выявить специфику влияния культуры памяти на конструирование социальной идентичности учащейся молодежи Краснодарского края в современных условиях.

Стрельникова А. В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2. С. 231-238.

¹³ Фролов В. А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках: дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.04. Краснодар, 2014; Ильинова Н. А. Октябрьская революция 1917 года в оценке студенческой молодежи / Н. А. Ильинова, Е. С. Куква, С. В. Макеев, В. Н. Нехай, З. М. Хачецуков, А. Ю. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4. С. 180-196; Шеуджен Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.-Майкоп, 2010; Донцова М. В., Тажидинова И. Г. Октябрьская революция 1917 г. в историческом сознании современной студенческой молодежи // Наследие веков. 2017. № 2. С. 15-19; Белопольская Т. Н. Современное студенчество о Великой Отечественной войне // Наследие веков. 2015. № 1. С. 105-109; Студеникина Е. С. Гражданская война в представлениях современного студенчества // Наследие веков. 2018. № 2. С. 14-18; Кочергин А. А. Великая Отечественная война в учебниках по истории кубанского казачества // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.). Ростов-н/Д., 2020. С. 582-591; Бондаренко Г. И., Продиблех Н. Е. Памятники Великой Отечественной войны в структуре ценностей современной молодежи // Наследие веков. 2015. № 1. С. 95-104; Рожков А. Ю. Прологомены к анализу школьных сочинений 1945 года как источников детских воспоминаний о войне // Вторая мировая война в памяти поколений: материалы и исследования. Краснодар, 2009. С. 111–141; Его же. Коли терор ще не був «великим»: переломна доба і люди в автобіографічній пам'яті арештанта ОГПУ // Схід-Захід (Харків). 2009. Вип. 13–14. С. 126–160; Его же. Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / под ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар: Экоинвест, 2010; Его же. «Маленькие истории» большой войны: воспоминания об «оккупированном детстве» в школьных сочинениях 1945 г. // "Гуляй там, где все". История советского детства : опыт и перспективы исследования. М., 2013. С. 259-292.

Для достижения поставленной цели в рамках диссертационной работы необходимо решение следующих исследовательских **задач**:

- обосновать концептуальное понимание «памяти» в истории социологической науки для определения основных тенденций исследования мемориальной проблематики в современной социологии;
- выявить особенности социальной идентичности как ценностного ориентира сообщества в ракурсе исторического и современного опыта социальных наук;
- определить субстанциональные основы понятия «культура памяти», раскрыв функционирование ее структурных элементов в социальной жизни;
- раскрыть особенности идентичности современной российской молодежи в контексте общенациональной культуры памяти, определив наличие у молодежи позитивных образов исторической памяти и отношения молодежи к институтам сохранения и воспроизводства прошлого;
- выявить характерные черты коммеморативной культуры старшеклассников и студентов как способа конституирования социальной идентичности в границах ментального, социального и материального измерений культуры памяти;
- установить особенности региональной «инфраструктуры памяти» (школьных учебно-методических комплексов по истории, места преподавателя и роли музеев) в формировании социальной идентичности учащейся молодежи.

Гипотеза исследования. Учащаяся молодежь находится под прямым воздействием социальных институтов, ответственных за сохранение и трансляцию памяти. Поэтому, чем больше объекты инфраструктуры памяти (учебно-методические комплексы, педагоги, музейные экспозиции) влияют на исторические представления старшеклассников и студентов, тем вероятнее формирование позитивной общенациональной и региональной идентичности среди учащейся молодежи. Предполагается, что слабое влияние инфраструктуры памяти на конструирование образов прошлого среди обучающихся молодых людей делает возможными риски складывания диффузной или негативной идентичности.

Теоретико-методологические основания исследования. В рамках диссертационного исследования культура памяти учащейся молодежи региона изучается на основании двух теоретико-методологических подходов:

1) *культурно-исторический подход* (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, Ж. Ле Гофф, Э. Хобсбаум)¹⁴ предполагает, что память имеет многоуровневую структуру: она начинается с индивидуальных воспоминаний,

¹⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019; Ее же. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014; Assman A. Canon and Archive // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2008. P. 97-107; Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17-50; Ле Гофф, Ж. История и память. М., 2013; Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

приобретающих жизненный потенциал только в случае циркуляции между людьми, выходя на уровень коммуникативной памяти. Последняя дает основу для конструирования коллективной памяти, определяющей идентичность общества. Коллективная память, в свою очередь, укрепляется и становится устойчивее перед натиском времени, если обретает форму в виде текстов, материальных предметов или традиций. Тем самым, воспоминание становится достоянием культурной памяти. Следовательно, если общество стремится к сохранению своей идентичности, то ему необходимо наличие институциональной и материальной инфраструктуры памяти.

2) *социологический подход* не фокусируется исключительно на идентичности и внешних мемориальных носителях, он предлагает смотреть на память как на инструмент взаимодействия между индивидами, с помощью которого люди объединяются в социальные группы (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс)¹⁵, конструируют социальную реальность (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман)¹⁶, распределяют статусно-ролевые позиции (Т. Парсонс)¹⁷ и борются за господство в социальном пространстве (Р. Барт, М. Фуко, П. Бурдьё, Ф. Р. Анкерсмит)¹⁸.

Эмпирическая база исследования условно делится на два кластера: изучение коммеморативной культуры учащейся молодежи и изучение инфраструктуры памяти. Первый кластер составили материалы анкетного опроса, проведенного диссертантом в феврале-марте 2021 г. среди учащейся молодежи Краснодарского края (N = 400). В рамках стратегии качественного анализа диссертантом было взято 30 полуструктурированных интервью молодых людей в возрасте 15–27 лет. Также для определения коммеморативной плотности исторической памяти в январе 2020 г. автором было собрано 70 сочинений школьников. Второй кластер эмпирической базы представлен контент-анализом 10 школьных учебников по истории России и «Кубановедению», а также 9 экспертными интервью школьных учителей истории и младших научных сотрудников музея / экскурсоводов.

Для сравнения полученных результатов с общероссийским или региональным состоянием культуры памяти молодых людей использовались вторичные данные ВЦИОМ, ФОМ, Российского общества социологов (РОС),

¹⁵ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии М., 2018; Его же. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995. С. 208-243; Его же. Материалистическое понимание истории // Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995. С. 199-207; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

¹⁶ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

¹⁷ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

¹⁸ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989; Его же. Мифологии. М., 2008; Фуко М. Археология знания. СПб., 2004; Его же. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и текстуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 47-96; Foucault M. Film in Popular Memory: An Interview with Michel Foucault // The Collective Memory Reader. Oxford : Oxford University Press. 2011. P. 249-251.; Бурдьё П. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М., 2007; Его же. Практический смысл. СПб., 2001; Его же. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 293-315; Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.

Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) диссертантом установлено место социологии памяти как самостоятельной научной отрасли в системе социологического знания, имеющей собственный предмет в виде «коммеморативного сообщества»;

2) предложена авторская интерпретация социальной идентичности как основополагающей черты коммеморативного сообщества в рамках различных теоретических подходов социальных наук;

3) произведено уточнение понятия «культура памяти»: констатирован опыт его использования в социальных науках, определено содержательное наполнение термина, зафиксировано проявление его структурных элементов в социальной жизни;

4) выделены актуальные позитивные образы коммеморативной культуры современной российской молодежи, а также возможные риски негативной трансформации социальной идентичности в рамках общероссийской культуры памяти;

5) впервые использована модель измерений коммеморативной культуры для определения социальной идентичности учащейся молодежи Краснодарского края: показано, как ментальное, социальное, материальное измерения влияют на формирование социальной идентичности;

6) впервые исследовано содержание региональной инфраструктуры памяти Краснодарского края и ее роль в поддержании и трансляции социальной идентичности среди учащейся молодежи.

Основные положения, выносимые на защиту.

1) Опыт изучения памяти в социологической науке позволяет ввести в оборот понятия «коммеморативного сообщества», «коммеморативной культуры» и «инфраструктуры памяти». Под «коммеморативным сообществом» понимается группа людей, объединенных общим набором образов прошлого, поддерживаемым двумя взаимосвязанными элементами культуры памяти: коммеморативной культурой – репертуаром сложившихся «снизу» установок по отношению к прошлому, – и обслуживающей ее инфраструктурой памяти, то есть специальным комплексом организаций и экспертов, ответственных за сохранение и трансляцию образов прошлого «сверху».

2) Инфраструктура памяти очерчивает рамки номинальной идентичности, задавая свои стандарты образов прошлого в виде групповых прототипов, смыслов и ценностей. Однако коммеморативная культура, конструирующая действительную идентичность, способна иметь собственное видение стандартов. И если отношения людей к прошлому, представленные в виде коммеморативной культуры, совпадают со стандартами инфраструктуры памяти, то складывается позитивная социальная идентичность, поддерживающая связь человека с коммеморативным сообществом. В противном случае социальная идентичность слабеет,

приобретает характер смешанной или негативной идентичности, а человек отдаляется от коммеморативного сообщества. Следовательно, гарантом сохранения социальной идентичности коммеморативного сообщества является целостность и согласованность элементов культуры памяти.

3) В современных социальных науках имеется два подхода к пониманию «культуры памяти». Политический подход сводит дефиницию понятия к политике памяти, представляя культуру памяти как совокупность методов управления прошлым в рамках конкретного сообщества. Культурологический подход дает более широкое осмысление: он подразумевает не только административные способы сохранения и поддержания прошлого в виде инфраструктуры памяти, но и наличие единых сложившихся в течение длительного времени общих воспоминаний и практик поминовения среди членов коммеморативного сообщества. Согласно второму подходу, любое коммеморативное сообщество имеет свою уникальную культуру памяти – систему сохранения, поддержания, трансляции образов прошлого, конституирующую социальную идентичность и воспроизводящую социальный порядок. Это сложная система, поскольку элементы культуры памяти (инфраструктура памяти и коммеморативная культура) функционируют в трех социокультурных измерениях: *ментальном, социальном и материальном*. Тем самым для максимальной устойчивости коммеморативного сообщества необходимо не только совпадение элементов культуры памяти, но и их внутреннее единство измерений.

4) Современная российская молодежь, будучи носителем общероссийской коммеморативной культуры, имеет два наиболее ярких образа прошлого, которые предстают в качестве ценности для поддержания позитивной общенациональной идентичности, несмотря на наличие тенденции к десакрализации прошлого. Первым образом является Великая Отечественная война, которая продолжает считаться самым значимым историческим событием, что усиливается благодаря циркулирующему капиталу семейной памяти. Вторым образом выступает «брежневская эпоха», которая предстает в качестве самого популярного периода в советской истории, отличающегося такими характеристиками, как справедливость, социальный оптимизм, успехи в науке и образовании. Однако в среде российской молодежи младшей возрастной когорты имеются риски, способные привести к неустойчивости российского коммеморативного сообщества, среди которых усиление деструктивного влияния Интернета на формирование коммеморативной культуры молодежи, обесценивание инфраструктуры памяти, связанной с образом Великой Отечественной войны, и неприятие сложившейся системы патриотического воспитания в школьном образовании.

5) Для значительной части студентов и школьников Краснодарского края характерно наличие позитивной общероссийской идентичности, что обуславливается высоким уровнем самооценки знаний по истории России (в

отличие от истории региона), доверием к традиционным источникам получения информации о прошлом (учебникам, педагогам, музейным экспозициям), положительным отношением к коммеморативным практикам и мемориалам. Однако среди учащейся молодежи Краснодарского края имеется «группа риска», которая склоняется в сторону негативной идентичности. Учащаяся молодежь Краснодарского края, входящая в «группу риска», имеет деформации в социальном измерении культуры памяти: она меньше прислушивается к педагогу, но больше, чем другие молодые люди, доверяет Интернет-ресурсам в получении сведений о прошлом. Коммеморативные практики для молодежи с негативной идентичностью не имеют личной и социальной значимой ценности, в связи с чем среди таких молодых людей присутствуют ревизионистские настроения в отношении устоявшихся социально значимых практик поминовения.

б) Вектор инфраструктуры памяти Краснодарского края направлен на формирование позитивных образов социальной идентичности, центральными из которых выступает исторический образ «русских» (групповой прототип общенациональной идентичности) и «казаков» (групповой прототип региональной идентичности). Первые изображают как целостную общность, которая имеет единое коллективное самосознание, всегда активизирующееся перед натиском трудностей. Вторые предстают в качестве особой группы людей, которые обладают военизированным укладом жизни, защищают территории и выступают гарантом правопорядка. При этом в среде учащейся молодежи Краснодарского края более востребована ориентация на общероссийские, а не региональные образы, предлагаемые инфраструктурой памяти. Вследствие чего такие ресурсы инфраструктуры памяти, как школьный региональный учебный предмет «Кубановедение» и локальные историко-краеведческие музеи становятся все менее эффективными в формировании позитивной социальной идентичности учащейся молодежи.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшем осмыслении и продвижении использования концепта культуры памяти как неотъемлемого условия существования устойчивого коммеморативного сообщества. В условиях быстро растущего междисциплинарного поля исследований памяти понятие культуры памяти облегчает снятие запутанности и противоречий дефиниций различных видов памяти и задает интегративную тональность изучения мемориальных проблем.

Практическая значимость работы. Научный анализ данной проблематики может служить основой для разработки учебных программ по истории и внеурочной деятельности в общеобразовательных учреждениях, а также для составления методических рекомендаций государственным и муниципальным органам власти, занимающимся молодежной политикой и сферой патриотического воспитания. Материалы исследования могут найти место при чтении курсов «Социология культуры», «Социология молодежи», «Методика преподавания истории» и др.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК. Диссертационное исследование полностью соответствует требованиям паспорта специальности 5.4.6 – социология культуры: п. 14. Культурная социализация и самоидентификация личности; п. 17. Образование и процесс культурного воспроизводства.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования нашли отражение в 18 публикациях общим объемом 7,1 п.л., включая 5 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК, и 1 статью – в системе Web of Science.

Выводы и положения диссертационной работы докладывались на всероссийских и международных научных конференциях, в том числе «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза» (Адлер, 2016); «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия» (Адлер, 2016), «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия», (Адлер, 2017), «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история» (Москва, 2017), «XIV Конгресс антропологов и этнологов России» (Томск, 2021), «Бренное и вечное: мифология и социальные технологии цифровой цивилизации» (Великий Новгород, 2021), «Молодёжь и молодежная политика в российском регионе» (Краснодар, 2021). Результаты диссертационной работы использовались также в реализации научного проекта РФФИ и ЭИСИ № 21-011-31514-опн «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России» под руководством А. Ю. Рожкова (2021 г.).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения, списка литературы и приложений. Общий объем диссертационного текста составляет 204 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи работы, теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования, формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, характеризуется теоретическая и практическая значимость диссертации, представлена ее апробация.

Первая глава **«Теоретико-методологические основания изучения культуры памяти и идентичности»** посвящена определению границ исследования феномена культуры памяти как основы формирования идентичности в теории социологии.

В первом параграфе **«Память как предмет изучения в социологии»** обосновывается значение социологии памяти как самостоятельного

направления исследований в социологической науке. Отмечается, что начало изучения памяти общества было положено О. Контом и продолжено в последующем развитии социологической мысли. В результате сложилось несколько отличных друг от друга подходов к пониманию памяти как феномена социальной реальности. Первый подход представлен французской школой социологии (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс) и предлагает смотреть на память общества как на сакральную реальность, существующую независимо от воли человека за границами его повседневной жизни. Принятие человеком общих воспоминаний в качестве своих собственных позволяет ему приобщаться к конкретному сообществу. После такой процедуры сообщество накладывает на человека «рамки памяти» – особый набор коллективных воспоминаний, который является ориентиром в ценностных основаниях сообщества и тем самым детерминирует действия человека. Второй подход в виде феноменологической социологии (А. Шюц) не удовлетворяет априорная данность «социальных рамок» памяти. Причину возникновения общих образов прошлого среди совершенно разных людей феноменологическая социология видит в испытании ими схожего «шокового состояния», вызванного одинаковым сломом привычного жизненного мира. Структурный функционализм (Т. Парсонс), будучи третьим зафиксированным подходом, определяет память сообщества как свойство социальных институтов, которые сохраняют прошлое для конституирования социального порядка в настоящем. Четвертый подход – структурализм (М. Фуко, Р. Барт) – исходит из понимания воспоминания как знака, состоящего из самих образов («означаемого») и материальных форм, в которых они воплощаются («означающего»). Структурный конструктивизм и процессо-релятивизм (П. Бурдьё, Дж. Олик) видят в памяти капитал, обладание которым определяет положение в сообществе. В соответствии с последним подходом каждое воспроизводство образа прошлого – это пространство, в котором социальный актер утверждает себя посредством воспоминания.

Парадоксальным является то, что в условиях имеющегося многообразия подходов к изучению памяти отсутствует единое понимание того, чем в этом направлении занимается социология. Усложняет определение предмета социологии памяти то, что к теме социальных образов прошлого имеется интерес со стороны различных наук, формирующих междисциплинарное поле *memory studies*, что подтверждается обзором предметного поля (*scoping review*), проведенным диссертантом. Однако результаты анализа показывают, что увеличение публикационной активности не приводит к качественному приросту научного знания, поскольку сам предмет изучения памяти в социологии остается размытым. Попытки определения предмета социологических исследований памяти в виде «сообщества памяти» (И. Ирвин-Зарецка), «сообщества утраты» (С. Ушакин) имеют место в теории социологии, однако, по мнению диссертанта, их дефиниции связаны исключительно с травматическим опытом, не учитывая позитивный потенциал общих образов прошлого. Поэтому при определении

предмета социологии памяти диссертант склоняется к использованию понятия «коммеморативного сообщества», не отсылающего к негативным смыслам. При этом диссертантом продемонстрировано, что «коммеморативное сообщество», базирующееся на уникальной культуре памяти, состоит из двух элементов: инфраструктуры памяти, то есть установленной системы сохранения и воспроизводства общих образов прошлого, и коммеморативной культуры – отношения членов сообщества к образам прошлого.

Во втором параграфе **«Социальная идентичность как ценностный ориентир коммеморативного сообщества»** проводится анализ основных социологических, социально-психологических и политологических подходов к изучению социальной идентичности. Диссертантом утверждается, что, несмотря на содержательное различие подходов, они сходятся в дефиниции идентичности как чувства сопричастности человека к сообществу посредством опыта интеракций прошлого. Тем самым отмечается, что идентичность основывается на нарративах, которые выстраиваются при взаимодействиях с другими людьми. Нарративы могут находиться в состязательной или консолидирующей диспозициях. Первая диспозиция приводит к напряженности, кульминацией которой могут выступать социальные конфликты между носителями разных нарративов. Вторая диспозиция, наоборот, приводит к «совпадению идентичностей» и образованию интегрированной сложносоставной и многоуровневой идентичности. Примечательно, что такие виды отношений имеют место в самой структуре социальной идентичности (Р. Дженкинс), состоящей из двух элементов: номинальной идентичности – конструкта «снизу», создаваемого акторами, обладающими капиталом, и действительной идентичности – актуального самоопределения людей по отношению к сообществу «снизу». Тем самым если в коммеморативном сообществе номинальная и действительная идентичности, опирающиеся на различные нарративы, находятся в состязательной диспозиции, то образы прошлого теряют интеграционный потенциал, появляется риск негативной идентичности и, следовательно, разложения такого сообщества. В случае консолидирующего режима совпадение нарративов обуславливает поддержание позитивной социальной идентичности коммеморативного сообщества, устойчивого перед внешними угрозами.

В третьем параграфе **«Роль культуры памяти в воспроизводстве социальных представлений о прошлом»** анализируется понятие культуры памяти как категории социальных наук. Диссертантом показано, что термин «культура памяти» появился в немецкой феноменологической мысли (Г. Люббе) и обозначал способы сохранения и актуализации прошлого в сообществе. В последующем «культура памяти» получила две трактовки. С одной стороны, под ней стали понимать политический инструмент, позволяющий управлять прошлым общества для достижения поставленных целей в будущем (А. Хьюсен). С другой стороны, «культура памяти»

предстает в виде установленного в обществе репертуара значимых образов, которые поддерживаются и воспроизводятся инфраструктурой памяти и коммеморативной культурой (А. Ассман, А. Эрлл). Для построения теоретико-методологической модели работы понятие «культура памяти» используется диссертантом во второй, более комплексной трактовке. Конкретизация культуры памяти потребовала рассмотрения измерений, в которых она существует:

– *ментальное измерение* представлено коллективными паттернами и кодами (образами прошлого, ценностями, стереотипами), которые преобладают в конкретном обществе. В работе отмечается вариативность использования терминов в осмыслении данного измерения культуры памяти и продемонстрировано, что применительно к совокупности образов прошлого в масштабах страны уместным является использование понятия «историческая память» как фокуса на народное прошлое, где пересекаются общенациональный, региональный и семейный уровни памяти;

– *социальное измерение* состоит из практик и социальных институтов, которые участвуют в производстве, хранении и извлечении знаний, относящихся к коллективу. К элементам данного измерения диссертантом причисляются коммеморативные практики и школьное образование. Первые предстают в качестве ритуалов, позволяющих людям вспоминать одинаковые образы прошлого и ощущать свое единство в виде сообщества. Помимо направленности на прошлое, отличительными чертами коммеморативных практик являются: амбивалентность (сосуществование в индивидуальном и общественном сознаниях), наличие «вспышечного» воспоминания (яркого неординарного образа) и вовлеченности (субъективного интереса со стороны индивидов). Второй элемент – это систематическая традиция передачи «навязанного нарратива» (П. Рикер) последующим поколениям ради воспроизводства социального порядка коммеморативного сообщества;

– *материальное измерение* включает в себя мемориальные объекты (памятники, тексты и вещи), в которых закодированы образы прошлого, прочтение которых возможно членами коммеморативного сообщества. Показано, что любой мемориальный объект является «знаком», состоящим из «означающего» (материального объекта) и «означаемого» (смыслов, вложенных в материальный объект). Тем самым диссертантом утверждается, что мемориальный объект не должен иметь внутренних противоречий и быть содержательно связанным с другими «знаками», мемориальными объектами.

Нормальное функционирование коммеморативного сообщества с позитивной социальной идентичностью возможно в случае непротиворечивости и консолидации всех измерений культуры памяти.

Вторая глава **«Конструирование социальной идентичности учащейся молодежи в рамках культуры памяти»** посвящена эмпирическому анализу культуры памяти учащейся молодежи как фактора конструирования социальной идентичности.

В первом параграфе **«Социальная идентичность современной российской молодежи в контексте общенациональной культуры памяти»** характеризуется историческая память молодых людей на базе вторичных данных (массовых опросов ВЦИОМ, ФОМ, Российского общества социологов). Для молодого поколения современных россиян характерны две особенности коммеморативной культуры: асимболия и десакрализация прошлого, в результате чего молодежь не видит в прошлом страны периодов, которые могут стать образцом для подражания в настоящем. Среди общенациональных образов исторической памяти молодые люди наделяют позитивным, ценностным окрасом лишь два образа прошлого. Первый образ – Великая Отечественная война, которая считается самым значимым событием прошлого, поддерживаемым капиталом семейной памяти; второй образ – «брежневская эпоха», которая предстает в качестве самого популярного периода в советской истории, отличающегося такими характеристиками как справедливость, социальный оптимизм, успехи в науке и образовании. Негативным содержанием, уменьшающим потенциал для формирования социальной идентичности, обладают «перестройка» и 1990-е гг. Примечательно, что среди молодежи руководители государства этих негативных периодов (М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин) вызывают меньше всего симпатий в сравнении с главами государства других исторических эпох. Однако среди младшей когорты российской молодежи в возрасте 18–24 лет наблюдается тенденция позитивации «перестройки» и 1990-х гг., а также государственных руководителей соответствующих периодов. Тем самым диссертантом подчеркивается перспективная возможность пересмотра оценок негативных эпох в исторической памяти молодых людей.

Дрейфом потенциальных изменений оценочного фона исторической памяти, по мнению диссертанта, являются каналы обращения к историческим сведениям. Несмотря на то, что в получении исторической информации молодежь продолжает пользоваться преимущественно учебной литературой, сегодня наблюдается «натиск Интернета», который постепенно становится ключевым информационным каналом для младшей когорты молодых людей. Поэтому в условиях уменьшения интереса молодежи к школьным историческим дисциплинам и к патриотическим мероприятиям появляется риск пересмотра установленных коммеморативных практик в российской культуре памяти. В частности, среди младшей когорты молодежи, в отличие от других поколений, растет спрос на пересмотр формы проведения Дня Победы, что может привести к несоответствию коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти в будущем и создать угрозу для формирования позитивной социальной идентичности в рамках общероссийского коммеморативного сообщества.

Во втором параграфе **«Коммеморативная культура учащейся молодежи Краснодарского края в измерениях культуры памяти»** анализируются характерные черты трех измерений коммеморативной культуры старшеклассников и студентов региона.

При изучении ментального измерения коммеморативной культуры студентов и школьников Краснодарского края рассматриваются разные уровни исторической памяти: общероссийский, региональный и семейный. Исследование показало, что как среди студентов, так и среди школьников преобладают знания общероссийского уровня памяти. При этом знания регионального прошлого учащейся молодежи являются самыми слабыми среди всех уровней памяти. Данные интервью, собранные диссертантом, показали, что причина такого состояния региональной памяти связана с отсутствием интереса к учебным предметам краеведческой направленности в школе («Кубановедение») и в университете («История Кубани»). Проведенный корреляционный анализ на основе программы SPSS Statistics позволил определить связь между уровнями памяти учащейся молодежи. Положительная корреляция средней силы прослеживается между общероссийским и региональным уровнями памяти (у студентов: коэффициент Пирсона $r = 0.615$ (при значимости 0.001), Хи-квадрат – 38.161 (при степени свободы 16 и $p = 0.001$) и V Крамера = 0.406; у школьников: коэффициент Пирсона $r = 0.478$, Хи-квадрат – 60.140 (при степени свободы 16 и $p = 0.001$), а V Крамера 0.428). Это свидетельствует о наличии закономерности: чем лучше учащаяся молодежь знает историю России, тем более осведомленной она является о прошлом региона. Примечательно, что семейная память в среде учащейся молодежи имеет слабую корреляцию с другими уровнями памяти. Большой коммеморативной плотностью в семейной памяти школьников и студентов обладают, как правило, воспоминания о прабабушках и прадедушках, участвовавших в Великой Отечественной войне. Тем самым семейная память учащейся молодежи сфокусирована на одном поколении, чья жизнь связывается общероссийской историей, что в целом делает семейное прошлое слабо интегрированным в общенациональный и региональный исторические нарративы.

В социальном измерении коммеморативной культуры учащейся молодежи Краснодарского края определяется отношение к традиционным источникам получения информации о прошлом. Доверие к учителю как главному каналу получения исторических сведений о прошлом превалирует как среди студентов (60%), так и среди школьников (73%). Саму систему школьного исторического образования студенты (70%) и школьники (76%) в целом считают хорошей и удовлетворительной. Примечательно, что представители учащейся молодежи, которые полагают, что школьное историческое образование неудовлетворительно, отдают предпочтение Интернету в качестве основного источника исторической информации (среди таковых 15% - студентов, 15% - школьников). Музей также обладает высоким уровнем доверия среди студентов (83%) и школьников (79%). Однако интерес в среде учащейся молодежи вызывают большие музеи российского масштаба, в то время как краеведческие музеи, транслирующие региональный уровень памяти, не привлекают особого внимания. Коммеморативные практики, относящиеся, в первую очередь, к образу

Великой Отечественной войны оцениваются неодинаково: студенты, в отличие от школьников, дают менее позитивную оценку мемориальным патриотическим мероприятиям и чаще отмечают, что не чувствуют в них необходимость. Материалы интервью подтверждают наличие в среде студентов и школьников «группы риска», представители которой выступают за пересмотр и изменения коммеморативных практик, связанных с Великой Отечественной войной.

Единое материальное измерение коммеморативной культуры учащейся молодежи Краснодарского края, как показывают результаты исследования, отсутствуют. Несмотря на то, что памятники воспринимаются учащейся молодежью, как ценные «места памяти», они не имеют символического содержания. Специальный опрос среди старшеклассников, касающийся их восприятия памятников г. Краснодара, показал, что мемориальные объекты в представлении школьников не обладают нарративом («означаемым»). Памятники городского пространства выступают лишь топосом («означающим»), который утрачивает функциональность в качестве «места памяти».

В третьем параграфе **«Региональная инфраструктура памяти как ресурс формирования идентичности учащейся молодежи»** исследуется объективное состояние комплекса инструментов и социальных институтов, посредством которых поддерживаются и транслируются значимые образы прошлого среди учащейся молодежи Краснодарского края.

Первым объектом анализа инфраструктуры памяти стали школьные учебники по таким предметам, как «история России» и «Кубановедение». На контекстуальном этапе показано, что учебники по истории как общенационального, так и регионального масштаба зависят от историко-культурного стандарта. Отмечается, что в соответствии с историко-культурным стандартом на момент 2021 г. содержание учебников по истории ограничивается 6–10-м классами. Соответственно для последующего контент-анализа диссертантом было выделено 10 учебников по истории России и Кубановедению 6–10-х классов, соответствующих историко-культурному стандарту.

На этапе контент-анализа, где единицами счета выступили отдельные слова, посредством программы Atlas.ti 9 был определен общий массив единиц счета учебников и проведена выборка слов, соответствующих словарю категорий. Общий массив единиц счета учебников по истории России составил 349945 единиц, из которых в выборку вошли 7476 слов (2,13% от общего массива). В выборку попадали слова, удовлетворяющие условию: частота упоминания в нарративе > 23 раз, поскольку при меньшей частоте доля единицы счета не достигала 0,01% от общего массива слов. В результате диссертантом было выявлено, что основным групповым прототипом нарратива учебников по истории России являются «русские» (12,5% от выбранных слов).

Контент-анализ краеведческих учебников представлен в работе следующим образом: общий массив исторического нарратива школьных учебников по «Кубановедению» составил 55407 слов, из которых выборочная совокупность слов – 1526 единиц (2,8% от всего массива). Условие выборки: повторяемость единиц анализа > 4 раз. В итоге определено, что доминирующим групповым прототипом регионального исторического нарратива являются «казаки» (21,7% от выбранных слов).

Нарративный анализ продемонстрировал смысловое содержание групповых прототипов. Образ «русского» в учебниках предстает в виде человека, который чувствует себя частью целого российского общества, уважает государство, поддерживает государственную власть, стремится к стабильности, почитает религию. «Казаки» выступают как военизированная группа людей, функция которых – защита и правопорядок. Однако диссертантом показано, что в содержании нарратива «казачество» как коллективный деятель истории постепенно рассеивается к периоду хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя». Отмечается, что в региональных школьных учебниках казачество предстает в качестве феномена отдаленного прошлого, слабо связанного с настоящим.

Вторым объектом изучения инфраструктуры памяти выступили школьные педагоги. Проведенные интервью показали позитивное отношение учителей к учебно-методическим комплексам, базирующимся на историко-культурном стандарте. Но в освоении материала на уроках истории зафиксированы возможные отклонения от официального нарратива, что вызвано несколькими факторами. Во-первых, многоканальность и бессистемность источников исторической информации при конструировании и проведении урока истории обуславливает появление рисков искажения групповых прототипов, направленных на поддержание позитивной социальной идентичности среди обучающихся. Во-вторых, уменьшение силы авторитета педагога в глазах школьников ведет к понижению доверия к историческому образованию. В-третьих, прагматическая направленность обучающихся редуцирует воспитательный потенциал исторического образования.

Третьим объектом исследования инфраструктуры памяти стали музейные работники (научные сотрудники и экскурсоводы региональных музеев). На материалах интервью показано, что краеведческие музеи сегодня не обладают ценностью для учащейся молодежи. С одной стороны, это объясняется отсутствием громких имен и ярких событий в экспозициях региональных музеев, с другой – отставанием местных музеев от новых форм вовлеченности, которые усиливают внимание за счет развития электронно-интерактивных технологий. Поэтому учащаяся молодежь больше интересуется общероссийскими музеями с большими экспозициями, имеющими электронно-интерактивное сопровождение.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются общие выводы о влиянии культуры памяти на

конструирование социальной идентичности учащейся молодежи. Отмечается, что формирование позитивной социальной идентичности обуславливается целостностью и соответствием коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти. В общенациональном контексте обозначенные элементы культуры памяти согласуются в образах Великой Отечественной войны и брежневского периода, что дает основу для поддержания позитивной социальной идентичности российской молодежи. Для значительной части учащейся молодежи Краснодарского края характерна позитивная общероссийская идентичность. Негативные отклонения в социальной идентичности учащейся молодежи региона обусловлены несоответствием элементов культуры памяти, выраженным в разорванности групповых прототипов, прагматизме исторического образования, изолированностью семейной памяти. На основании исследования особенностей культуры памяти учащейся молодежи Краснодарского края даются рекомендации для научного и учительского сообществ, а также для государственных органов власти федерального и регионального уровней по сохранению устойчивой общенациональной идентичности среди учащейся молодежи посредством использования ресурсов культуры памяти (коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Статьи в журналах, входящих в международные базы данных

1. Runaev T. A. Historical memory as young people civic identity formation resource in digitalization context / T. A. Runaev, A. Yu. Rozhkov, E. S. Studenikina, M. V. Dontsova // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. – 2021. – Vol. 120. – P. 753-760. (Web of Science).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК

2. Рунаев Т. А. Виртуальные кладбища как коммеморативные практики: разновидности и векторы развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп, 2019. – № 3. – С. 111-119.

3. Рунаев Т. А. Мемориальная культура молодежи: памятники Краснодара в восприятии обучающихся средней школы // Общество: социология, психология, педагогика. – Краснодар, 2019. – № 12. – С. 74-77.

4. Рунаев Т. А. Образ России 1990-х гг. в исторической памяти учащейся молодежи Краснодарского края // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 5. – С. 84–87.

5. Рунаев Т. А. «Крымский вопрос» в российских и украинских школьных учебниках по истории // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 9. – С. 77-80.
6. Рунаев Т. А. Школьные учебники по новейшей истории Юга России как ресурс политики памяти // Южно-российский журнал социальных наук. – Т. 22. – № 2. – С. 104-123. (в соавт. с А. Ю. Рожковым).

Статьи в других изданиях

7. Рунаев Т. А. Война глазами ребенка: некоторые особенности устных воспоминаний о военном детстве / Т. А. Рунаев, А. Ю. Рожков // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза. Сборник статей международной научно-просветительской конференции, 27-31 мая 2016 / отв. ред. А.А. Зайцев. – Краснодар, 2016. – С. 161-165.
8. Рунаев Т. А. Устная история как метод постижения прошлого: акт вспоминания в конструировании нарратива памяти // Сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам XI международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – СПб., 2016. – С. 44-47.
9. Рунаев Т. А. Фрейм домашнего пространства ребенка во время оккупации в годы Великой Отечественной войны // Современная наука: тенденции развития: Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 28 июля 2016 г.: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2016. – С. 6-11.
10. Рунаев Т. А. Роль «внешнего описания» событий Великой Отечественной войны в формировании коллективной памяти / Т. А. Рунаев, А. Ю. Рожков // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Сборник статей Всероссийской научно-просветительской конференции с международным участием, 7–11 октября 2016 г. / отв. ред. А. А. Зайцев. – Краснодар, 2016. – С. 271-276.
11. Рунаев Т. А. Возможности «устной истории» в изучении повседневных практик послевоенного детства // Молодой ученый: Вызовы и перспективы: сб. ст. по материалам XXVI Международной научно-практической конференции «Молодой ученый: Вызовы и перспективы». – № 26. – М., 2017. – С. 234-240.
12. Рунаев Т. А. Повседневный дискурс фотографии // Электронный научный журнал APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – № 2. – 2017. – URL: <http://apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/id/1482> [Электронный ресурс].
13. Рунаев Т. А. Акт запоминания в конструировании коллективной памяти // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: сб. ст. по материалам I-II Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном

мире: политология, социология, философия, история». – № I-II(1). – М., 2017. – С. 66-69.

14. Рунаев Т. А. Соотношение индивидуальной и коммуникативной памяти: постановка проблемы // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сб. ст. по материалам XXXIX Международной научно-практической конференции «Молодой исследователь: вызовы и перспективы». – № 14(39). – М., 2017. – С. 101-104.

15. Рунаев Т. А. Общая характеристика культурной памяти // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 5. URL: <http://apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/id/1647> [Электронный ресурс].

16. Рунаев Т. А. Столкновение нарративов памяти: траектории разрешения социально-политических конфликтов // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Сборник статей Всероссийской научно-просветительской конференции с международным участием, 6–10 октября 2017 г. / отв. ред. А.А. Зайцев. – Краснодар: Традиция, 2017. – С. 215-221.

17. Рунаев Т. А. Место семейной истории в сохранении воспоминаний о Великой Отечественной войне // Форум молодежной науки. – 2020. – Т. 1. – № 6. – С. 62-65.

18. Рунаев Т. А. «Классовая память» как наследие М. Хальбвакса // Форум молодежной науки. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 109-118.